

Валерий Мокиенко

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР¹

Phraseological and Paremiological Borrowings During the Era of Peter the Great: A Dialogue of Cultures

ABSTRACT: The article analyses phraseological and paremiological borrowings in the Russian language of the era of Peter the Great. The end of the 18th – the first half of the 19th centuries was a time of intensive political, economic and linguistic transformations in Russia. From the “window to Europe”, which was opened at that time, a powerful stream of innovations, primarily lexical ones, poured into Russian life and the Russian language. This borrowed vocabulary has been fundamentally studied by both domestic and foreign linguists, and has become an object of lexicographic description. The process of borrowing phraseological units and proverbs of the Petrine era has been studied much less than borrowed vocabulary. The reason for this is the different way of borrowing such linguistic units: if the borrowed vocabulary is easily recognized by a foreign language root words, then phraseological units and proverbs perceive European innovations mainly by the literal translation of components, i.e. tracing, which makes them “their own” in the composition of lexical components. The article analyses the phraseological units and proverbs that were mastered in the time of Peter the Great in the form of half-calks and calks, characterizes the common and different features in the adaptation of these types of units to the Russian language, emphasizes the methodological difficulties in their identification as Europeanisms. Special attention is paid to phraseological and paremiological borrowings from the Dutch and German languages, something typical for the era of Peter the Great.

KEYWORDS: The era of Peter the Great, European innovations of Peter’s time, phraseological units, paremias, proverbs, tracing

Реформы Петра I, как известно, коренным образом преобразовали Россию, направив её в европейское русло. Огромный прогресс в Петровское время был достигнут в области науки, культуры и системы образования, и культурные преобразования были существенной частью государственной политики, гарантирующей стабильность нового экономического и политического курса. Значимой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

была и языковая политика Петра I, и языковые реформы этого времени, результатом которых стала активизация всех стилистических регистров отечественной речи – как народной, так и европейской, взаимодействие разнородных стихий в языке этого времени. Смешение европейского, народно-разговорного, делового и книжно-славянского языкового материала образовывало своеобразный «плавильный котёл», в котором формировалась новая литературная норма при отсутствии на этот момент синтезирующей концепции русского литературного языка.

Особое внимание исследователей давно уже привлекла лексика этой эпохи, объективно отразившая «судьбоносную» роль Петровской эпохи в истории русского языка: с одной стороны, органическую связь с предыдущим языковым состоянием – языком Московской Руси, а с другой стороны, перспективность тех лингвистических, лингво-когнитивных, лингво-социологических процессов, которые берут начало в период Петровских реформ и стимулируют многие активные процессы современного состояния языка и общества. Отечественные исследователи посвятили этой проблематике фундаментальные монографии², а также серию сборников статей на данную тему, вышедших под редакцией автора идеи и первого редактора *Словаря русского языка XVIII века* Юрия Сергеевича Сорокина³. Словарный состав этого периода получил масштабное систематическое описание в фундаментальном лексикографическом проекте Института лингвистических исследований РАН – *Словаре русского языка XVIII в.* (Вып. 1-22. – Л. (СПб): Наука, 1984-2019; издание продолжается).

Исследования европейских лингвистов, посвящённые языку Петровской эпохи и всего XVIII века, сосредоточивались также в основном на детальном анализе лексики. Их прежде всего привлекала проблема заимствований⁴. Это

² См. работы: В.В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.*, Москва 1934; В.В. Виноградов, *Из истории русских слов и выражений*, «Вопросы стилистики», Москва 1966, с. 34-43; Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина, *Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 века*, Ленинград 1972, 430 с.; Г.П. Князькова, *Русское просторечие второй половины XVIII в.*, Ленинград 1974, 253 с.; В.М. Круглов, *Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков*, Санкт-Петербург 2004, 102 с. и др.

³ *Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века*, отв. ред. Ю.С. Сорокин, Москва – Ленинград 1965, 311 с.; *Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики*, отв. ред. Ю.С. Сорокин, Ленинград 1982, 212 с.; *Язык русских писателей XVIII века*, отв. ред. Ю.С. Сорокин, Ленинград 1981, 201с.

⁴ См.: V. Kiparsky, *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*, Helsinki 1934, 329 S.; V. Kiparsky, *Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag 1975, 375 S.; Gerta Hüttl-Worth (Hüttl-Folter), *Die Bezeichnung des russischen Wortschatzes im 18. Jahrhundert*, Wien 1956, 236 S.; Gerta Hüttl-Worth (Hüttl-Folter), *Foreign Words in Russian. A Historical Scetch, 1550/1800. Mit einem Vorwort von D. Tschizewski*. (University of California, Publications in Linguistics, 28), Berkley – Los Angeles 1963, V+132 p.; F. Otten, *Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Großen*. (= Slavistische Forschungen. Bd. 50), Köln – Wien 1985, 626 S.

и естественно, ибо изменения в словарном составе русского языка этого периода вызвали к жизни более 4.5 тысячи новых слов, заимствованных из европейских языков.

При столь фронтальном изучении и лексикографическом описании лексического массива этого периода, естественно, в поле зрения исследователей попадала и фразеология, и паремиология. Тем не менее, эти сферы языковой системы XVIII в. до сих пор остаются гораздо менее изученными, чем собственно лексические. А ведь диахроническое изучение лексического фонда русского языка невозможно без исследования фразеологии XVIII в., как утверждает Мария Федоровна Палевская, посвятившая именно фразеологии свою докторскую диссертацию и монографию⁵. Ею предпринята и единственная на настоящий момент попытка лексикографического описания фразеологического фонда XVIII в. – *Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века*⁶. Объектом исследования фразеологии этого периода стала и монография Александра Бириха⁷, где убедительно демонстрируются два интенсивных потока обогащения фразеологического фонда русского языка XVIII в. Польская исследовательница Анна Радзик сосредоточила свое внимание на фразеологии в немецко-латинско-русском *Лексиконе* 1731 г.⁸, а Элиза Малек последовательно сопоставила *Собрание 4291 древних российских пословиц* Антона Алексеевича Барсова [1770] с польским сборником *Апофегматы* Беняша Будного⁹.

Существенной задачей исследования и лексикографического описания фразеологии и паремиологии в языковом наследии Петровского времени остается определение «своего» и «чужого», т. е. исконного русского наследия и заимствованного материала. Квалификация лексики как заимствований относительно проста: сама форма того или иного слова прямо сигнализирует о его источнике – ср. *парикмахерская, будерброд, виски* и под. Во фразеологии же и паремиологии случаи полного заимствования соответствующих языковых единиц – скорее исключение, чем правило.

⁵ М.Ф. Палевская, *Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в.*, Кишинёв 1972, 307 с.

⁶ М.Ф. Палевская, *Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века*, Кишинев 1980, 367 с.

⁷ Alexander Bierich, *Russische Phraseologie des 18. Jahrhunderts. Entstehung, Semantik, Entwicklung.* (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Band 16. Hsg.: Baldur Panzer), Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2005, 326 S.

⁸ Anna Radzik, *Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego. Frazeologizmy w niemiecko-łacińsko-rosyjskim „Leksykonie peterburskim” z 1731 roku*, Kraków 2000, 179 s.

⁹ E. Małek, «Собрание 4291 древних российских пословиц» и «Апофегматы» Беняша Будного. (*Из истории русской паремиологии*), Warszawa 2016, 62 s.

Фразеологические полукальки

Конечно, иноязычный компонент может быть бесспорным маркером фразеологического заимствования и паспортизацией его источника. Таково, напр., слово *абишид* в обороте *взять абишид [от кого]* ‘проститься с кем-л.’, который – несомненная калька с нем. *Abschied nehmen*. Это слово зафиксировано в 1711 г. в вариантах *апишид* (1718), *абишум* (1712). Оно заимствовано либо непосредственно с нем., либо через пол. *abszyt* и известно в значениях ‘отставка, увольнение со службы, а также письменное свидетельство об отставке’, ‘письменное разрешение на выезд за границу, пропуск’, ‘прощание, расставание’, юр. ‘решение, определение суда (в Германии, а также в прибалтийских губерниях России)’. В первом значении употребляется и в словосочетаниях *взять (дать, получить) абишид* – ср. нем. *Abschied nehmen (geben, begehren)*¹⁰.

Аналогичный пример – судьба фразеологизма *выкидывать / выкинуть фортель* ‘прибегнуть к какому-л. ловкому трюку, к неожиданной выходке’. Слово *фортель* проникло в русский язык еще в XVII в. Оно восходит к пол. *fortel*, которое заимствовано из нем. *Vorteil* ‘уловка’ (в современной речи – ‘преимущество’). *Фортель*, как и глагол *выкидывать*, были военными техническими терминами, образованными по модели воинского оборота *выкидывать артикул*, появившегося в Петровское время, – ‘производить воинские ружейные приемы’. Однако уже в XVIII в. *выкидывать артикулы* приобрело и значение ‘показывать какие-л. шутки, фокусы, ловкость, проворство’. Аналогичную историю претерпел и фразеологический оборот *выкинуть фортель*¹¹. Выражение из русского было заимствовано и близкородственными языками: бел. *выкідаць / выкінуць фортэль*, укр. *викидати/ викинути фортелі (фортель)* и др.

В таких случаях мы имеем дело с типичными полукальками. Благодаря этому статусу «полу-» устойчивые словосочетания Петровского времени более органично вживались в плоть русского языка и активно пополняли его ресурсы. Знаковыми для полукалек Петровской эпохи были обороты, включающие лексику голландского происхождения. Особенно выделяются здесь фразеологизмы, связанные с морской терминологией. Вот один из типичных примеров.

Брать / взять на abordаж кого, что ‘действовать решительно, напористо по отношению к кому-, чему-л.’. Выражение восходит к профессиональной речи моряков и первоначально значило «подойти к борту корабля вплотную («борт о борт») и сцепиться с другим кораблем для рукопашного боя». С развитием артиллерии и ростом быстроходности кораблей *абордаж* потерял свое значение. В терминологическом значении оборот зафиксирован уже в *Уставе Морском* (1720) и в переписке Петра Великого с Борисом Куракиным того же года: *взять*

¹⁰ *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 1, Ленинград (Санкт-Петербург) 1984-2019 (издание продолжается), с. 11.

¹¹ В.В. Виноградов, *Из истории...*, с. 34-43; В.В. Колесов, *Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра*, Санкт-Петербург 1998, с. 195.

абордажемъ, взять абординунгомъ + послать на абординунгъ + абордовать. В *Ведомостях* (1714) встречаются уже слова *обордіровать, обордированье*. Поэтому слова и выражения с этим корнем проф. Ф. Оттен относит к заимствованиям из голландского¹². Не случайно оно зафиксировано в параллельном голландском тексте *Устава Морского: attacqueeren en abordeeren*. Эти заимствования Петровского времени были актуализированы и получили переносное значение позднее, во 2-й половине XIX-го века под влиянием фр. *prendre [un navire] à l'abordage* ‘приставать к кому-л., подступать вплотную’. При этом в европейских языках того времени связь его с морским термином была прозрачной, что обеспечило ему популярность. Сейчас оборот известен далеко не всем европейским языкам, в том числе и славянским: бел. *браць/ узяць на абардаж* и укр. *брати/ узяти на абордаж*, вероятно, – заимствования из русского. Характерно, что даже в современном французском языке он уже практически вышел из употребления, что, возможно, – ещё одно подтверждение голландского первоисточника нашего выражения. Близкую судьбу имеет и корабельная фразеологическая метафора *держать руль*, которая, возможно, является калькой с гол. *het roer in handen hebben* (букв. иметь руль в руках), *aan't roer komen* (букв. прийти к рулю).

Фразеологические кальки

Идентификация большинства заимствованных фразеологизмов, а тем более пословиц, однако, осложняется тем, что иноязычные лексемы в их составе далеко не всегда присутствуют. Отсюда – подавляющее число именно калек в соответствующем паремиологическом фонде любого языка, что затрудняет их источниковедческую диагностику.

Все исследователи русского языка XVIII в. отмечают мощный прилив в него калькированных словосочетаний. Анна Радзик, скрупулезно изучившая словарный состав трехязычного *Лексикона* 1731 года, приводит довольно точную статистику межъязыковых схождений, которые в большинстве своем являются именно кальками с немецкого или латинского языков: в 351 из исследованных словарных статей (что составляет 38,6% от всего материала) регистрируются эквиваленты как в немецком, так и в латинском языках; в 292 случаях (32,1%) фиксируются эквиваленты лишь в одном из трех языков, причем половину их составляют немецкие выражения, а половину – латинские. При этом как немецкие, так и латинские фразеологизмы вошли в 547 словарную статью *Лексикона*, что составляет 62% от общего числа включенных в него устойчивых словосочетаний¹³.

¹² А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, под ред. проф. В.М. Мокиенко, 4-е изд., стереотипн., Москва 2007, с. 16.

¹³ A. Radzik, *Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego...*, s. 77.

Разумеется, что далеко не все межъязыковые схождения и даже полные тождества можно отнести к фразеологическим калькам. Каждый случай требует детального межъязыкового сопоставления, которое приведет к той или иной источниковедческой диагностике.

Так, например, выше приведенные фразеологизмы *козла огородником учинить* и *разсуждати как слепый о цветах (красках)* можно признать кальками с немецкого, ибо выражения с точно такой структурой не зафиксированы в русской народной речи. Относительно несложный лингвистический анализ позволяет диагностировать и сравнение *разсуждати как слепый о цветах (красках)* также как кальку с немецкого. Во-первых, об этом свидетельствует хронология их фиксации – вскоре после *Лексикона* 1731 года они отражены рукописными источниками первой половины XVIII века Андрея Ивановича Богданова и Василия Никитича Татищева: *говорить о чём как слепой о краске (о красках)*¹⁴; *судить (рассуждать) о чём как слепой о красках*¹⁵. Характерна также и ошибочная запись этого сравнения в сборнике А.И. Богданова *говорить как слепой о красном*¹⁶. Их значение логично вытекает из прозрачной образности, характеризуя чьи-л. крайне некомпетентные высказывания, непрофессиональные суждения, оценки. Мориц Ильич Михельсон, воспроизводя это, устаревшее уже в конце XIX в. выражение в форме *как слепой о красках (понимает, судит)*, толкует его лапидарно: «о чем понятия не имеет» и сравнивает его с фр. оборотом *C'est un aveugle qui juge des couleurs*¹⁷, видимо, считая его источником кальки. Однако время его появления в русском языке, когда основная масса заимствования шла в русский язык из голландского и немецкого, позволяет признать иной источник кальки, а именно тот, который засвидетельствован в *Лексиконе* 1731 г. – *urtheilen, wie ein Blinder von der Farbe*. Между прочим, это подтверждается и наличием чешского фразеологизма *mluví jako slepý o barvách*, известного с 1570 г. в разных вариантах, и относимого, как пол. *mówi jak ślepy o kolorach* и словацк. *slepý nemôže súdiť o farbách*, к нем. *redet wie der Blinde von der Farbe*¹⁸.

Учитывая предложенную методику разграничения исконной фразеологии от заимствованной, приведем несколько типичных калек из фразеологических аналогов Петровского времени.

Несомненной калькой является выражение *принимать меры* ‘предпринимать какие-л. действия для осуществления чего-л.’. Русские фразеологи считают его

¹⁴ *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков*, Издание подготовили М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова, Москва – Ленинград 1961, с. 50.

¹⁵ Там же, с. 54, 61, 86.

¹⁶ Там же, с. 75.

¹⁷ М.И. Михельсон, *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, т. 1, Санкт-Петербург 1903, с. 450.

¹⁸ Václav Flajšhans, *Česká přísloví. Sbirka přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku*, Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru), Praha 1911-1913, 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova.

калькой с фр. *prendre des mesures*, ссылаясь на то, что оно употребляется с XIX в.¹⁹ Детализированный анализ позволяет углубить хронологические рамки фиксации этого фразеологизма. В прямом, терминологическом значении он употреблялся уже с конца XVII – начала XVIII вв. Ср. *меры брать* ‘снимать мерку, обмеривать (при строительстве судна)’, зафиксированное в 1697 г. и являющееся, вероятно, калькой с голл. *de maat nemen* (ср. нем. *Maß nehmen*). Не случайно в *Лексиконе* 1731 г. к нем. *Maß von etw. nehmen* дается русский эквивалент *меру сняти*. В *Уставе Воинском* 1716 г. употреблено выражение *меры воспрять*, находящее прямое соответствие в нем. *die Mesures nehmen*. Слово *мера* сочетается в это время с разными глаголами: *меру свою принять* (1708), *всякими меры трудиться*, *брать меры* (1710), *меры взять* (1712), *все меры приложить* (1712), *меры свои воспринять* (1713), *всякия меры чинить* (1742, Елизавета Петровна), *меры искать* (1749, Екатерина II), *все меры употребить* (1765, Екатерина II), *принятые меры* (1767, Екатерина II), *меры приниматься* (1775, Екатерина II), *принятие и употребление сильнейших мер* (1780, Екатерина II) и др. Путь проникновения оборота в русский язык в соответствии с этими фактами можно представить следующим образом: фр. *prendre des mesures* было заимствовано первоначально немецким как полукалька *Mesures nehmen*, затем образовало кальку *Maßnahmen treffen (ergreifen)*, которая, в свою очередь, стала основой калек с немецкого в виде вариантов *меру (меры) принять (взять, брать, воспрять, приложить)*, которые известны уже в XVIII в.²⁰

Источниковедческую коррекцию благодаря уточненной хронологии можно внести и для выражения *оказать (дать) помощь* ‘помочь’, которую считали результатом контаминации фр. *prêter secours* (букв. «предоставлять помощь») и рус. *оказывать внимание (почтение)*²¹. Вероятнее, однако, что это калька с немецкого. Ведь обороты *помощь давати*, *подати руку помощи* фиксируются в Вейсманновом *Лексиконе*²² в ряду синонимов *въ скудости помогати, помоществовати, вспомогати, вспомоществовати, пособляти* и иноязычных параллелей с нем. *an die (zur) Hand gehen* и лат. *subsidium ferre*. Судя по всему, этот оборот образовался на основе таких исходных сочетаний, как *чинить / учинить помочь* и их вариантов, зафиксированных в *Вестях-курантах*, напр.: *помочь учинить* (1651, 1652, 1656 и др.), *помочи не чинить* (1656), *помочь дать*

¹⁹ Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов, *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*, Москва 1987, с. 117.

²⁰ F. Otten 2002, с. 12 (Компьютерные материалы, присланные автору настоящей статьи проф. Ф. Оттенон в 2002).

²¹ Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов, *Краткий этимологический словарь русской фразеологии: (Дополнение)*, «Русский язык в школе» 1981, № 4, с. 69.

²² Э. Вейсман, *Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатню издан*, Санкт-Петербург 1731, с. 399, 276.

(1656), *помочи не давать* (1656), *помочь давать* (1659). Ср. сочетания Петровского времени: *вспомогательство чинити, учинить всякое вспоможение* (1697), *вспомогание давать* (1703), *вспоможение и укрепление чинить* (1705). Отсюда возможна такая реконструкция исходного образа: др.-рус. [*в-/по-*]дати руку (*руки*) + *помочь* → *дать / подавать помощь*. Ср. нем. устар. *Hülfe* (сейчас *Hilfe*) *leisten* и рус. *подавать помощь, zur Hand seyn* (сейчас *sein*) и *помощь подать* в параллельных текстах 1765 г.²³.

Займствованные пословицы

Поскольку пословицы, в отличие от поговорок (resp. фразеологизмов) представляют собой законченный лапидарный текст с назидательным (чаще всего) содержанием, то их заимствование осуществляется преимущественно в виде полных калек. И как мини-тексты они, подобно фольклорным сюжетам, динамично переносятся из языка в язык, что делает идентификацию их первоисточника весьма затруднительной. Рассмотрим несколько примеров такого калькирования в Петровскую и послепетровскую эпоху.

Пословица *Сколько людей, столько и мнений* характеризует ситуацию, когда у каждого при обсуждении чего-л. имеется своя собственная точка зрения. Её происхождение приписывается римскому комедиографу Публию Теренцию (ок. 195-159 гг. до н. э.) и потому она считается калькой с лат. *Quot homines, tot sententiae*. В то же время наличие в русской народной речи рифмованной пословицы и ее вариантов с тем же самым смыслом – *Сколько голов, столько умов; Сколько есть в свете человеческих голов, столько и разномысленных умов; Сто голов – сто умов* и др. – не исключает и возможности универсальной паремиологической модели. Аналогичные пословицы употреблялись и другими античными писателями и известны во многих языках, напр.: лат. *Quot capita, tot sensus*; нем. *Viele Köpfe, viele Sinne*; *soviel Köpfe, soviel Sinne*; фр. *Autant de têtes, autant d'avis*; англ. *So many men, so many minds*²⁴. Ср. также лат. *Quot homines, tot sententiae* и гол. *Zoveel hoofden zoveel zinnen*²⁵.

Прямо связать эту пословицу с афоризмом Публия Теренция препятствует и ее первая фиксация в XVIII в., которая не совсем точно соответствует латинскому прототипу: «Здесь еще мы обретаемся по старой пословице, *сколко головъ, столко мысли*» (*Ведомости* – 1713). В сборнике пословиц Василия Никитича Татищева (1736) пословица имеет форму *Разные головы — разные*

²³ F. Otten 2002, с. 16 (Компьютерные материалы, присланные автору настоящей статьи проф. Ф. Оттенем в 2002).

²⁴ М.И. Михельсон, *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, Санкт-Петербург 1905, т. 2, с. 162; В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, *Большой словарь крылатых слов русского языка*, Москва 2000, с. 453.

²⁵ F. Otten 2002, с. 11 (Компьютерные материалы, присланные автору настоящей статьи проф. Ф. Оттенем в 2002).

мысли²⁶. Ср. нижегор., олон. *Сколько голов — столько умов*²⁷, олон. *Что голова, то разум, Сколько голов, столько умов*²⁸. Осмысляя этот паремиологический материал, можно предположить, что перед нами – своеобразный симбиоз книжной и народной паремии, давший близкие, но не тождественные результаты.

Явно народное звучание имеет ироническая пословица *Снявши голову, по волосам не плачут (не тужат)*, характеризующая ситуацию, когда, потеряв или уничтожив главное, нет смысла печалиться о второстепенном. Начало пословицы связывается с преданием о Петре I, который, узнав о невиновности казненного Искры (открывшего ему измену Мазепы), скорбел о нем²⁹. Излагая эту версию, Мориц Ильич Михельсон в то же время приводит немецкую параллель *Ist der Kopf abgeschlagen, wird niemand nach dem Hute fragen*, рифмованный характер которой явно свидетельствует об ее исконности. В каком-то смысле это «намеки» на калькирование, который, впрочем, опровергается разным компонентным составом второй части русской и немецкой пословиц. Ср. также укр. *Стявши голову, за волосам не плачуть* и болг. *Кога падне главата, косите се не желят*, где явно отражается общий «генетический код».

Языковая демократизация Петровской эпохи вызвала к жизни калькирование многих европейских пословиц и поговорок.

Случаи паремиологического универсализма при этом особенно характерны для так называемой «натуральной» (по терминологии Станислава Скорупки) фразеологии и паремиологии, т. е. такой, в состав которой входят соматизмы или анимализмы. Если же компоненты паремии «конвенциональны», т. е. характеризуют абстрактные, ментальные понятия, то квалификация соответствующих единиц как заимствованных более вероятна. Типичный пример – пословица *Привычка – вторая натура*, чей смысл заключается в том, что поступки человека диктуются не только его умом и сердцем, но и приобретенными привычками, которые либо трудно искоренимы либо неискоренимы вовсе.

Впервые пословица встречается в *Риторике* Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) в форме «Привычка становится уже природным свойством». Позднее Цицерон (106–43 гг. до н. э.), которому обычно приписывается этот афоризм, ту же мысль выразил в сочинении *О пределах добра и зла* (5, 25, 74): «Привычка как бы вторая натура». *Натура* в данном выражении имеет значение ‘природа’. Окончательно афоризм сложился в произведениях писателей IV и V вв., напр., у Августина (*Против Юлиана*) и у Макробия (*Сатурналии*, кн. 7): «Привычка – вторая натура». В *Опытах* французского философа Монтеня пословице как бы возвращается «природный» смысл (лат. *natura* – природа): «Привычка – вторая природа и равна ей в могуществе». От пословицы образован фразеологизм *вто-*

²⁶ *Пословицы, поговорки, загадки...*, с. 61.

²⁷ Там же, с. 132, с. 164.

²⁸ Там же, с. 166.

²⁹ М.И. Михельсон, *Русская мысль и речь...*, т. 2, с. 185.

рая натура кого. Часто это выражение употребляется в оригинале на латинском языке: *Consuetudo est altera natura*.

В качестве пословицы он известен многим европейским языкам, в том числе и всем славянским³⁰, – напр.: нем. *Gewohnheit ist andere Natur*; фр. *L'habitude est une seconde nature*; англ. *Custom is a second nature*.

В русский же язык пословица вошла именно в Петровскую эпоху: сам Петр Первый употребил ее в 1716 г., подчеркнув пословичный статус: «Итакъ теперъ збылась пословица, что *обыкновение – другая природа*». Это свидетельствует о том, что он ссылается на нее не как на прямую латинскую цитату Цицерона, а как на кальку с немецкого пословичного варианта этого афоризма – *Die Gewohnheit ist [gleichsam] eine zweite Natur*. Ср. у Екатерины II: «Все дѣлаетъ привычка... привычка дѣло великое» (комедия *Думается так, а делается инако* – 1785). В форме *Привычка вторая природа* пословица фиксируется во многих словарях и паремиологических сборниках³¹. Она, между прочим, стала основой пушкинского афоризма *Обычай – деспот меж людей*³².

Разумеется, далеко не все русско-европейские паремиологические схождения имеют такую масштабную и несколько диффузную межъязыковую «дальнобойность». Встречаются и случаи, когда конкретный источник обозначается весьма точно, поскольку имеет определённые языковые контуры. Такова устаревшая шутливо-ироническая пословица *Я ващец, ты ващец, а кто же хлеба напашец?* – ‘Высокородных руководителей много, а тружеников, обеспечивающих их существование мало’.

На первый взгляд, эта пословица воспринимается как чистый полонизм в русском языке, ср. *Ja waszeć i ty waszeć, któż nam chleba napaszeć?*³³. Вежливое обращение в среде шляхты (*waszeć*) – типично польская реалья, отсутствующая в России (в словаре Владимира Ивановича Даля к этой пословице дано пояснение «т. е. барин: вы, ваша милость»³⁴). Однако все не так однозначно. В конце XVII – нач. XVIII в. в русский язык действительно попала польская пословица *Ja waszeć, ty waszeć, a któż nam posłuży*, но она была творчески переработана: к первой части была добавлена шутливая русская концовка *кто ж хлеба напашец* (варианты: *а кто же хлебопашец?* *а кто же будет хлеба пашец?*), где насмешка усиливалась использованием типичного для польского языка глагольного окончания (неправильного в данном случае с точки зрения польской

³⁰ Там же, с. 117-118; В.П. Берков В.П., В.М. Мокиенко В.М., С.Г. Шулержкова С.Г., *Большой словарь крылатых слов русского языка*, Москва 2000, с. 400.

³¹ F. Otten, *Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./18. Jahrhunderts (I+II)*, «Zeitschrift für Slawistik» 2001, № 3 (46), S. 430.

³² В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, *Словарь крылатых выражений Пушкина*, Санкт-Петербург 1999, с. 275-276.

³³ *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego, t. 2, s. 783.

³⁴ В.И. Даль, *Толковый словарь живого русского языка*, 3-е изд., Москва 1955, т. 1, с. 169.

грамматики), позволяющего образовать рифмованную пословицу. Эта шутливая русская трансформация была заимствована белорусским языком, а затем (возможно, через белорусское посредничество) оказалась в польском языке и нашла отражение в словаре Самуэля Адальберга в конце XIX в. как вариант польской пословицы. Ср. в сборнике Ивана Михайловича Снегирева зафиксировано выражение *Я вашец, ты вашец, а кто же нашец?*³⁵, уже воспринимаемое составителем как собственно русское³⁶.

Как видим, обзор фразеологического и паремиологического взаимодействия русского языка с европейскими языками и культурами Петровского времени демонстрирует их высокую интенсивность. В отличие от лексики, где заимствования из европейских (особенно голландского и немецкого) языков с некоторой фонетической адаптацией были прямыми, освоение фразеологизмов (resp. поговорок) и пословиц осуществлялось в основном в виде калькирования. Буквальный их перевод не только обогащал образный и экспрессивный фонд русского языка, но и становился мощным «культуртрегером», лингвокультурологическим «окном в Европу». Тем самым фразеологические и паремиологические заимствования становились эффективным инструментом языковой политики и реформ Петровского времени.

References

- Berkov V.P., Mokiienko V.M., Shulezhkova S.G., *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka*, Moskva 2000.
- Bierich A., *Russische Phraseologie des 18. Jahrhunderts. Entstehung, Semantik, Entwicklung*. (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Band 16. Hsg.: Baldur Panzer), Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2005.
- Birikh A.K., Mokiienko V.M., Stepanova L.I., *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik*, red. prof. V.M. Mokiienko, 4-e izd., stereotipn., Moskva 2007.
- Birzhakova Ye.E., Voynova L.A., Kutina L.L., *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka 18 veka*, Leningrad 1972.
- Dal' V.I., *Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka*, 3-e izd., t. 1-4, Moskva 1955.
- Flajšhans V., *Česká přísloví. Sbírká přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku*, Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru.), Praha, 1911-1913. 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova, ed. Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova, Olomouc 2013.
- Hüttl-Worth (Hüttl-Folter) G., *Foreign Words in Russian. A Historical Scetch, 1550/1800. Mit einem Vorwort von D. Tschizewski*. (University of California, Publications in Linguistics, 28), Berkley – Los Angeles 1963.

³⁵ И.М. Снегирев, *Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*, Москва 1848, с. 473.

³⁶ Е.К. Николаева, *К проблеме славянского языкового взаимодействия*, [v:] *Obraz světa v jazyce a frazeologii II. Picture of World in a Language and Phraseology*, ed. L. Janovec, Praga 2020, s. 301-308.

- Hüttl-Worth (Hüttl-Folter) G., *Die Bezeichnung des russischen Wortschatzes im 18. Jahrhundert*, Wien 1956.
- Kiparsky V., *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*, Helsinki 1934.
- Kiparsky V., *Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag 1975.
- Knyaz'kova G.P., *Russkoye prostorechiye vtoroy poloviny XVIII v.*, Leningad 1974.
- Kolesov V.V., *Russkaya rech'. Vchera. Segodnya. Zavtra*, Sankt-Peterburg 1998.
- Kruglov V.M., *Russkiy yazyk v nachale XVIII veka: uzus petrovskikh perevodchikov*, Sankt-Peterburg 2004.
- Literaturnyy yazyk XVIII veka. Problemy stilistiki*, otv. red. Yu.S. Sorokin, Leninrad 1982.
- Małek E., «*Sobraniye 4291 drevnikh rossiyskikh poslovits*» i «*Apofegmaty*» *Benyasha Budnogo. (Iz istorii russkoy paremiologii)*, Warszawa 2016.
- Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka*, otv. red. Yu.S. Sorokin, Moskva – Leninrad 1965.
- Mikhel'son M.I., *Russkaya mysl' i rech'. Svoye i chuzhoye. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy*, Sankt-Peterburg, t. 1, 1903; t. 2, 1905.
- Mokiyenko V.M., Sidorenko K.P., *Slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina*, Sankt-Peterburg 1999.
- Nikolayeva Ye.K., *K probleme slavyanskogo yazykovogo vzaimodeystviya*, [v:] *Obraz sveta v jazyce a frazeologii II. Picture of World in a Language and Phraseology*, ed. Ladislav Janovec, Praga 2020.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, red. akad. Ju. Krzyżanowski, t. 1-4, Warszawa 1969-1978.
- Otten F., 2002, *Komp'yuternyye materialy, prislannyye avtoru nastoyashchey stat'i prof. F. Ottenom v 2002*.
- Otten F., *Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Großen. (= Slavistische Forschungen. Bd. 50)*, Köln – Wien 1985.
- Otten F., *Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./18. Jahrhunderts (I+II)*, „Zeitschrift für Slawistik” 2001, № 3 (46), s. 281-307; № 4, s. 418-442.
- Palevskaya M.F., *Materialy dlya frazeologicheskogo slovarya russkogo yazyka XVIII veka*, Kishinov 1980.
- Palevskaya M.F., *Osnovnyye modeli frazeologicheskikh yedinit so strukturoy slovosochetaniya v russkom yazyke XVIII v.*, Kishinov 1972.
- Poslovitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII-XX vekov*, izdaniye podgotovili M.Ya. Mel'ts, V.V. Mitrofanova, G.G. Shapovalova, Moskva – Leningrad 1961.
- Radzik A., *Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego. Frazeologizmy w niemiecko-lacińsko-rosyjskim Leksykonie petersburskim z 1731 roku*, Kraków 2000.
- Shanskiy N.M., Zimin V.I., Filippov A.V., *Opyt etimologicheskogo slovarya russkoy frazeologii*, Moskva 1987.
- Shanskiy N.M., Zimin V.I., Filippov A.V., *Kratkiy etimologicheskii slovar' russkoy frazeologii: (Dopolneniye)*, „Russkiy yazyk v shkole” 1981, № 4, s. 61-72.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Vyp. 1-23*, Leningrad (Sankt-Peterburg) 1984-2019, (izdaniye prodolzhayetsya).
- Snegirev I.M., *Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi, izdannyye I.M. Snegirevym s predisloviyem i dopolnениями*, Moskva 1848.

- Veysman E., *Nemetsko-latinskiy i russkiy leksikon kupno s pervymi nachalami russkogo yazyka k obshchey pol'ze pri Imperatorskoy Akademii nauk pechatiyu izdan*, Sankt-Peterburg 1731.
- Vinogradov V.V., *Iz istorii russkikh slov i vyrazheniy*, „Voprosy stilistiki”, Moskva 1966.
- Vinogradov V.V., *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII-XIX vv.*, Moskva 1934.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерий Михайлович Мокиенко – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Избранные публикации: книги:** *Славянская фразеология*, Москва: Высшая школа 1980, 207 с. 2-е изд. Москва 1989, 287 с.; *As imaxes da lingua rusa. Ensaíos históricos, etimolóxicos e etnolingüísticos sobre fraseoloxía*, Santiago de Compostela: Xunta de Galicia 2000, 382 p.; В.М. Мокиенко, *Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии*, Санкт Петербург: «Норинт» 2003, 512 с.; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц*, Под общей редакцией проф. В.М. Мокиенко, Москва: «ОЛМА Медиа Групп» 2010, 1024 с.; *Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie von Valerij Michajlovič Mokienko*, Hrsg. v. Wolfgang Mieder und Harry Walter, Burlington: The University of Vermont; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald 2018, 308 S.

ORCID: 0000-0002-0264-0576

Email: mokienko40@mail.ru